

РУССКАЯ МЫСЛЬ

05
P-881

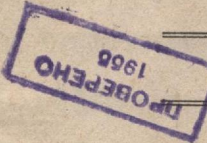
ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

1945

И.ч.б. 74009
6889
ПРОВЕРЕНО 1938 г.

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

21252

ГОДЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ.

КНИГА VIII.

99

МОСКВА.

1891.

Изъ исторіи волненій въ Оренбургскомъ краѣ *) (Матеріалы для исторіи послѣдняго киргизскаго возстанія). 1869—1879 гг.

(Посвящ. памяти Ол. Ив. Середы).

II.

Утвержденіе новаго положенія.— Новая реформа и старыя промахи.— Поспѣшность образованія областей и вызванныя ею безпорядки.— Причины волненій по официальнымъ источникамъ и причины дѣйствительныя.— Предупрежденія печати и отношенія къ ней мѣстной администраціи **).

Въ послѣднихъ мѣсяцахъ 1868 года труды комиссіи были окончены; выработанный ею проектъ новаго положенія объ устройствѣ киргизъ удостоился высочайшаго утвержденія и 21 октября состоялось высочайшее повелѣніе:

1) Образовать изъ областей оренбургскихъ и сибирскихъ киргизъ и Семипалатинской, а также земель Уральскаго и Сибирскаго козацкихъ войскъ четыре области: Уральскую, Тургайскую, Акмолинскую и Семипалатинскую въ предположенныхъ, въ проектѣ положенія, для этихъ областей границахъ.

2) Разрѣшить главному мѣстному начальству упомянутый проектъ положенія вводить въ дѣйствіе съ 1 января 1869 года, въ видѣ опыта, на двухгодичный срокъ.

Такое высочайшее повелѣніе министромъ внутреннихъ дѣлъ, въ числѣ другихъ вѣдомствъ, было сообщено и оренбургскому генераль-губернатору для надлежащаго исполненія.

Тотчасъ по полученіи упомянутаго сообщенія главный начальникъ края предложилъ и. д. военныхъ губернаторовъ Уральской и Тургайской областей, вошедшихъ въ районъ его вѣдѣнія, слѣдующія мѣры по введенію въ дѣйствіе новаго положенія:

а) образовать въ Тургайской области уѣзды: Илецкій, Николаевскій,

*) *Русская Мысль*, кн. VII.

**) Дѣла канцеляріи оренбургскаго генераль-губернатора и не изданная записка о безпорядкахъ въ степи въ 1869 и 1870 годахъ.

Тургайскій и Иргизскій, а въ Уральской — Калмыковскій, Гурьевскій и Уральскій; въ Эмбенскій же постъ и Мангышлакское приставство назначить начальствующихъ лицъ и послать ихъ на мѣста для составленія соображеній по введенію тамъ новаго положенія, когда это окажется возможнымъ;

б) для организациі мѣстныхъ уѣздныхъ и волостныхъ правленій предписывалось образовать, подъ предсѣдательствомъ уѣздныхъ начальниковъ, для Тургайской области четыре комиссіи, а для Уральской, на первое время, только три *), которымъ начать вводить положеніе, руководствуясь данными отъ губернаторовъ инструкціями.

Въ силу этихъ распоряженій, постѣпно организованныя комиссіи приступили къ дѣлу введенія новаго положенія — въ Тургайской области съ половины декабря 1868 года, а въ Уральской области комиссіи отпразднелись по назначенію: Гурьевскаго уѣзда 19, Уральскаго и Калмыковскаго 21 декабря того же года, какъ сообщилъ о томъ военный губернаторъ Уральской области, присовокупляя, что киргизы Эмбенскаго уѣзда и Мангышлакскаго приставства оставлены имъ пока на прежнемъ основаніи и сборъ повинности взимается съ нихъ по прежнему порядку.

Изъ этихъ предварительныхъ распоряженій видно, что въ Оренбургѣ слишкомъ торопились введеніемъ новаго положенія въ степи, такъ какъ все упомянутыя выше мѣры по введенію положенія состоялись въ то время, когда еще не только въ ордѣ, но и въ уѣздныхъ управленіяхъ не было ни одного печатнаго экземпляра новаго положенія, и организационныя комиссіи имѣли у себя лишь инструкціи военныхъ губернаторовъ, заключающія краткія выписки изъ самаго положенія тѣхъ статей, которыми опредѣлялся порядокъ образованія уѣздовъ и волостей.

Это былъ первый промахъ администраціи, повлекшій за собой другія ошибки, имѣвшія весьма печальныя послѣдствія.

Прежде всего, такая поспѣшность и подобный порядокъ вещей не могли предвѣщать успѣха организационнымъ комиссіямъ въ ихъ дѣйствіяхъ; такъ и случилось. Вначалѣ дѣло, повидимому, пошло успѣшно, и въ Тургайской области къ 1 февраля 1869 г. уже было сформировано девять волостей, но вскорѣ затѣмъ организационныя комиссіи встрѣтили затрудненія сначала въ Уральской, а потомъ и въ Тургайской областяхъ. Такъ, губернаторъ Уральской области уже отъ 16 января 1869 года, — слѣдовательно, менѣе чѣмъ черезъ мѣсяцъ по открытіи дѣйствій комиссіи, — доносилъ генералъ-губернатору, что предсѣдатель организационной комиссіи Уральскаго уѣзда подполковникъ Черноморсковъ, при направленіи дѣйствій комиссіи на р. Хобду (пятая волость Уральскаго уѣзда), въ аулѣ, расположенномъ при озерѣ Бара-су (неподалеку отъ станицы Буранной), встрѣтилъ серьезныя затрудненія къ дальнѣйшему слѣдованію и полное невниманіе народа къ вновь вводимому положенію. Командированный

*) По числу уѣздовъ: четырехъ — въ Тургайской и трехъ — въ Уральской области.

этую комиссіей (бывшій начальник 1-й половины восьмой киргизской дистанці), сій Ташбулакъ Туяковъ, въ сопровожденіи муллы Шамаева, управлявшаго приульскими киргизами заурядъ-хорунжаго Лепесова и почетныхъ биевъ, отправившійся ночью съ 11 на 12 января вверхъ по р. Хобдѣ къ зимующимъ тамъ киргизамъ, доносилъ, что онъ, приближаясь къ аулу киргиза Джапара, былъ остановленъ сорока вооруженными киргизами, преградившими ему путь и объяснившими, что двухъ чабаровъ, посланныхъ съ бумагами отъ него, они задержали, бумаги изрубили и что какъ ихъ самихъ, такъ и комиссію къ себѣ не примутъ и дальше не допустить, потому что такъ распорядились ихъ старики, уѣхавшіе къ киргизамъ: Батанбекову и Айжарыку Бикбауву, Тургайской области*), на совѣщаніе, слѣдуетъ ли имъ принимать положеніе, или нѣтъ. Когда же посланные комиссіей, не взирая на это сообщеніе, направились къ ауламъ, то нѣкоторые изъ толпы окружили посланныхъ, угрожая имъ оружіемъ, и принудили первыхъ повернуть лошадей назадъ, причемъ шайка провожала Туякова съ товарищами болѣе версты и, возвращаясь къ переговорамъ, выражала крайнее раздраженіе.

Не менѣе печальныя вѣсти привезъ посланный упомянутымъ дистанчнымъ начальникомъ Туяковымъ, киргизъ Тобынскаго рода Утяповъ на вершины р. Хобды для предупрежденія о пріѣздѣ туда комиссіи и для передачи двухъ конвертовъ: одного на имя мѣстнаго начальника Казыбаева и другаго—почетнаго бія Китарова. Возвратившійся посланный рассказывалъ, что бій Китаровъ, принявшій отъ него конвертъ, въ виду бывшаго съ нимъ народа, прочиталъ велухъ врученную ему бумагу, изрубилъ ее кинжаломъ и, вмѣстѣ съ народомъ, объявилъ Утяпову, что они никакихъ распоряженій до возвращенія стариковъ изъ Тургайской области не примутъ и другаго конверта на имя Казыбаева доставить не позволятъ.

Заурядъ-хорунжій Лепесовъ, отправившись по порученію той же комиссіи съ киргизомъ Аиткузомъ Джапатовымъ въ аулъ киргизъ того же рода, Кунгурова отдѣленія, Джапалака Айдасова и Кытынскаго рода—Байгильды, для приготовленія народа къ пріѣзду комиссіи, встрѣтилъ тоже однѣ неудачи. Остановившись у киргиза Байгильды въ землянкѣ, Лепесовъ, объясняя ему цѣль своего пріѣзда, услышалъ въ отвѣтъ, что его, Лепесова, Байгильды принять готовъ, но что комиссію не пустить; что народъ не соберется и комиссія имъ вовсе не нужна; причемъ хозяинъ объяснилъ Лепесову, что такъ согласились поступать все киргизы. На обратномъ пути изъ этого аула Лепесовъ былъ окруженъ народомъ, коннымъ и пѣшимъ, который подтвердилъ то же самое. Почевать Лепесовъ остановился въ землянкѣ киргиза Тлеубая, въ аулѣ Айдасова, и около полуночи былъ разбуженъ шумомъ собравшихся у землянки киргизъ. Отъ хозяина Тлеубая Лепесовъ узналъ, что они хотѣли напасть на комиссію и убить его самого; повинувшись совѣтамъ хозяина, Лепесовъ изъ зимовки

*) Неизданная записка о безпорядкахъ въ степи въ 1869 и 1870 годахъ.

не вышелъ и тѣмъ только спасъ свою жизнь. Утромъ, когда уѣзжалъ Лепесовъ, киргизы кричали ему вслѣдъ, чтобы онъ не ѣздилъ къ нимъ ни одинъ, ни съ комиссіей.

Изъ дальнѣйшихъ донесеній губернатора Уральской области видно, что положеніе дѣлъ въ степи ухудшается съ каждымъ днемъ; мятежъ, быстро распространяясь по Уральской области, принималъ весьма широкіе размѣры и оказывалъ серьезное сопротивленіе къ введенію новаго положенія.

Предсѣдатель организаціонной комиссіи Гурьевскаго уѣзда капитанъ 1-го ранга Тверитиновъ, образовавшій три аула тазларовцевъ, находящихся въ 5-ти верстахъ отъ уѣзда Эмбы, намѣревался двинуться на Теньтякъ-саръ до Сагиза къ зимующимъ на этомъ пространствѣ исыковцамъ Уразова отдѣленія, а оттуда на Эмбу къ урочищу Исенберды, къ табырадаевцамъ разныхъ отдѣленій и затѣмъ внизъ по Эмбѣ къ черкесовцамъ Кара-Кемперова отдѣленія, но потомъ приостановился въ исполненіи этого намѣренія въ ожиданіи пріѣзда къ нему мѣстныхъ старшинъ, отъ которыхъ онъ надѣялся получить нужныя ему свѣдѣнія объ ихъ родахъ и которыми считалъ нужнымъ растолковать новое положеніе. Когда собрались старшины Исыковского рода Джала Аитовъ, Табырадаевскаго—Магометъ Исламовъ, Исянъ Ураджаевъ и съ ними нѣсколько бѣевъ, начальникъ уѣзда вкратцѣ объявилъ имъ новое положеніе, которымъ, повидимому, они остались довольны; но при прощаніи адаевскій старшина Исламовъ заявилъ, что въ его вѣдомствѣ зимовало до 200 кибитокъ адаевцевъ съ Мангышлака, за которыхъ онъ не ручается, и, въ то же время, просилъ г. Тверитинова не пріѣзжать къ нему въ аулы, будто бы, по недостатку помѣщенія, обѣщаясь въ случаѣ нужды обратиться къ начальнику уѣзда адаевцевъ для разъясненія чего-либо для нихъ непонятнаго.

Утромъ 21 января пріѣзжали къ г. Тверитинову изъ зимующихъ по Тентяку и Сагизу бѣи Исыковского рода съ просьбою объ отстрочкѣ у нихъ введенія новаго положенія на семь дней; въ виду того, что введеніе положенія предстояло у адаевцевъ*), начальникъ уѣзда согласился на ихъ просьбу. Между тѣмъ, въ 3½ часа показалось недалеко отъ аула, въ которомъ расположилась организаціонная комиссія Гурьевскаго уѣзда, толпа всадниковъ челоуѣкъ въ 400, вооруженная пиками, саблями и топорами, видимо принявшая угрожающее положеніе относительно комиссіи и ея конвоя.

Въ виду этой опасности, по распоряженію уѣзднаго начальника, всѣ находившіеся при немъ люди немедленно устроили изъ кудей съ овсомъ и провіантомъ родъ баррикады, а съ тылу закрылись лошадьми, спутавъ ихъ такимъ образомъ, чтобы онѣ не могли двигаться.

Прошло нѣсколько минутъ тягостнаго ожиданія; видя, что толпа не отваживается на нападеніе, предсѣдатель комиссіи выслалъ на встрѣчу

*) Адаевскій родъ искони отличался особою дикостью нрава и своеволіемъ и поэтому съ нимъ всегда начальники старались поступать осторожно и дѣлали уступки, чтобы не раздражать ихъ безъ особенной надобности.

ей отставнаго козака Шамсутдинова, которому велѣлъ спросить у киргизъ, что имъ надобно. Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ толпа яростно требовала выдачи ей измѣнника Косумбая Тавасорова (младшаго помощника уѣзднаго начальника), угрожая въ противномъ случаѣ всѣхъ перерѣзать. Тавасорова спрятали въ кибитку и объявили толпѣ, что онъ уѣхалъ въ сосѣдній аулъ. Тогда шайка киргизъ предъявила новыя требованія: «не хотимъ мы новаго положенія (кричала толпа), не желаемъ имѣть русскихъ начальниковъ, а просимъ оставить прежнихъ султановъ и старую подать...»

Всѣ увѣщанія, обращенныя къ ордынцамъ,—отказаться отъ заявленія такихъ нелѣпныхъ просьбъ и требованій,—были напрасны; послѣ долгихъ споровъ о преимуществѣ стараго порядка передъ новымъ толпа, наконецъ, удалась, оставивъ старшину Исламова заявить именемъ всего народа просьбу къ начальнику уѣзда объ отсрочкѣ введенія положенія на новыхъ началахъ до Уильской ярмарки. Капитанъ 1-го ранга (нынѣ генераль-майоръ) Тверитиновъ отказалъ въ этой просьбѣ Исламову, но обѣщался, въ видѣ уступки, ходатайствовать у высшаго начальства, въ чемъ по просьбѣ старшины и далъ ему записку для представленія волновавшимся киргизамъ. Тотчасъ по полученіи Исламовымъ данной ему записки толпа съ гикомъ бросилась и окружила маленькій лагерь Тверитинова, отрѣзала верблюдовъ и, спѣшившись, ринулась впередъ, но была отражена ружейнымъ огнемъ (подъ ружьемъ было 12 человекъ); при этомъ киргизы потеряли до 6 человекъ убитыми и двое изъ шайки были ранены; у Тверитинова же проколоты пиками двѣ лошади. Послѣ этого неудавшагося набѣга толпа удалась и не тревожила болѣе до самой ночи станъ уѣзднаго начальника.

Ночью трое мирныхъ киргизъ, прокравшись въ станъ Тверитинова, сообщили ему, что киргизы намѣреваются повторить нападеніе и лишь ожидаютъ подкрѣпленія, вооруженнаго ружьями, а потому предложили ему услуги проводить его къ морю мимо ихъ пикетовъ.

Соображая полученныя свѣдѣнія, осязательно говорившія не въ пользу дальнѣйшаго успѣха, начальникъ уѣзда, по совѣщаніи съ бывшими съ нимъ лицами, отправился въ Гурьевъ, куда прибылъ благополучно 23 числа.

Потеря покраденнаго имущества во время нападенія на комиссію Гурьевскаго уѣзда простирается до 900 рублей.

Между тѣмъ, волненія, начавшіяся въ предѣлахъ вновь образованной Уральской области, перешли вкорѣ и въ область Тургайскую.

Тагъ, военный губернаторъ Тургайской области, отъ 12 марта 1869 года, сообщая генераль-губернатору объ окончательномъ образованіи двухъ уѣздовъ—Николаевскаго и Тургайскаго и въ Иргизскомъ уѣздѣ двухъ волостей, присовокупляетъ въ отношеніи зиклинцевъ, кочующихъ въ пескахъ-барсукахъ и по западному берегу Аральскаго моря до Хивы, что тамъ введеніе положенія пока *невозможно*, во-первыхъ, по громадности пространства, препятствующаго собранію старшинъ для предварительныхъ

совѣщаній и, во-вторыхъ, вслѣдствіе невозможности для комиссіи проникнуть въ тѣ мѣста по неудобству зимнихъ дорогъ и частыхъ бурановъ, препятствующихъ передвиженіямъ. Что же касается Илецкаго уѣзда (говорится далѣе въ томъ же донесеніи), то послѣ образованія тамъ, при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, первыхъ пяти волостей по Илеку, Уралу и Ори, комиссія, прибывъ въ 28 дистанцію (въ вершинахъ р. Илека, гдѣ нынѣ Актюбинская волость) и образовавъ четыре аула, встрѣтила въ дальнѣйшемъ образованіи волостей затрудненіе вслѣдствіе отказа народа принять новое положеніе, сдѣлавшаго это заявленіе по наущенію киргиза Саттыка Таева и главныхъ его сподручниковъ—біевъ Идилъбая, Джангибая, Сапака и Турлыбая, а также и вслѣдствіе вліянія на илецкихъ киргизъ со стороны хобдынцевъ (живущихъ на р. Хобдѣ).

Всѣ эти свѣдѣнія о положеніи дѣлъ въ степи, при началѣ введенія новой реформы (находящіяся въ сообщеніяхъ губернаторовъ обѣихъ областей и донесеніяхъ предсѣдателей организационныхъ комиссій), очень ясно свидѣтельствуютъ о полной неподготовленности ордынскихъ племенъ къ принятію новаго порядка вещей, съ которымъ они совершенно были незнакомы, а если и имѣли о новомъ положеніи какія-либо свѣдѣнія, то въ самомъ неблагопріятномъ для него свѣтѣ. И все это произошло отъ застарѣлой болѣзни, извѣстной подъ именемъ «канцелярской тайны». Правда, организационная комиссія Илецкаго уѣзда не остановилась предъ первою неудачей и рѣшилась еще разъ испытать счастья, но и новая попытка ея не увѣнчалась успѣхомъ. Изъ представленной генераль-маіоромъ Баллюзекомъ (тургайскій военный губернаторъ) копии съ полученнаго имъ донесенія упомянутой комиссіи видно, что по подстрекательству муллъ: Ихласа, Досова, Алимжана и Джандавлета, пославшихъ въ послѣднихъ числахъ февраля 1869 года своихъ учениковъ на Хобду и Илекъ къ волнующимся киргизамъ, кромѣ ордынцевъ 30 дистанціи, присоединились киргизы 28, 29 и 57 дистанцій и, образовавъ шайки отъ 600 до 700 человекъ, разъѣзжали по ауламъ и силою склоняли къ бунту мирныхъ киргизъ.

Всѣ убѣжденія комиссіи о покорномъ подчиненіи новому порядку вещей были отвергнуты волновавшимися киргизами; послѣдніе не только не хотѣли слушать никакихъ совѣтовъ, но даже ни одного изъ посланныхъ комиссіею лицъ не допускали до муллы Ихласа (главнаго руководителя движенія) для переговоровъ съ нимъ, открыто заявляя посланнымъ съ этимъ порученіемъ, что они новаго положенія не примутъ и готовы спокойно встрѣтить смерть, въ случаѣ вступленія къ нимъ русскихъ отрядовъ, защищая старые порядки.

29 марта получилось, наконецъ, донесеніе и оренбургскаго гражданскаго губернатора о томъ, что по р. Илеку сформировалось много значительныхъ хищническихъ шайекъ, которыя начали непріязненныя дѣйствія по Илецкой линіи Оренбургскаго козачьяго войска и что Григорьевскій отрядъ уже потерпѣлъ отъ бунтующихся киргизъ, угнавшихъ у жителей

этого отряда скотъ, и что подобная же участь грозитъ и другимъ жителямъ линіи и мирнымъ киргизамъ.

Такое положеніе вещей ясно свидѣтельствовало, во-первыхъ, о томъ, что ордынцы не въ шутку задумали отстаивать старую жизнь, и, во-вторыхъ, указывало на то обстоятельство, что большинство киргизъ было сильно предубѣждено противъ новаго положенія, которому они предпочитали даже смерть въ неравномъ бою съ регулярными войсками. Подобное обстоятельство заставило въ свою очередь призадуматься и организаторовъ, понудивъ ихъ усердно искать причинъ такого предубѣжденія.

Разумѣется,—какъ того и слѣдовало ожидать,—по мнѣнію губернаторовъ и предсѣдателей комиссій, прежде всего, причинами волненій служили: невѣжество массъ, не могущихъ понять своей пользы, подстрекательства муллъ и султановъ, терявшихъ свое значеніе и авторитетъ со введеніемъ новаго положенія, и всегдашняя готовность къ грабежамъ своего рода «голытьбы», извѣстной подъ именемъ «байгушей», изъ-за куска хлѣба готовыхъ на всякую дерзость.

Таковы были, по официальнымъ соображеніямъ, причины, вызвавшія послѣдніе беспорядки въ степи въ 1869 и 1870 годахъ; если еще къ этому прибавить «нелѣпыя толки» о рекрутствѣ натурою, объ обращеніи киргизъ въ православіе, о чрезмѣрномъ увеличеніи податей, то болѣе причинъ, вызвавшихъ волненія,—по крайней мѣрѣ, по официальнымъ источникамъ,—не оказывается.

Повторяемъ, таковы причины бунта по административнымъ свѣдѣніямъ. Смѣемъ, однако, думать, что правдивый историкъ не можетъ удовольствоваться такими избитыми объясненіями народныхъ движеній; что, всматриваясь глубже въ ходъ событій, онъ непременно придетъ къ убѣжденію, что выставленныя администраціей причины суть не причины, а только слѣдствія тѣхъ промаховъ и ошибокъ, которыхъ, къ сожалѣнію, и на этотъ разъ не умѣли или не хотѣли избѣгать и которыя именно послужили настоящими причинами къ народному возстанію, имѣвшему, какъ то увидимъ ниже, такія грустныя послѣдствія.

Для того, чтобы убѣдиться въ справедливости высказаннаго нами замѣчанія, прослѣдимъ шагъ за шагомъ сначала за тѣмъ, какъ создавалось новое положеніе о киргизахъ, а потомъ—съ какими приѣмами и какъ приступлено было къ проведенію его въ жизнь «полудикаго народа».

Какъ создавалось новое положеніе о киргизахъ, читатель знакомъ изъ первой главы настоящаго изслѣдованія; намъ остается лишь обратить его вниманіе на тотъ фактъ, что всѣ работы производились въ тиши кабинетовъ, сначала въ Петербургѣ, въ комиссіи статсъ-секретаря Буткова, безъ всякаго участія въ этихъ работахъ не только ужъ кого-либо изъ влиятельныхъ и преданныхъ намъ киргизъ, хотя бы въ видѣ депутата отъ народа, жизнь котораго хотѣли перестроить на новый ладъ и о которой не имѣли въ Петербургѣ почти никакого понятія, но даже и изъ прежнихъ знатковъ степи, каковы, напримѣръ, В. В. Григорьевъ и М. В. Ладыженскій,

жившіе въ Петербургѣ, не приглашались къ участию въ этихъ работахъ. Поэтому и труды комиссіи г. Буткова разбились о практическій взглядъ Александра Павловича Безака, близко знакомаго со степью и культурно-нравственными качествами ея населенія. Мнѣніе генераль-адъютанта Безака тоже было отчасти плодомъ его кабинетныхъ измышленій, и потому оно также мѣстами грѣшитъ противъ истины, хотя—надо отдать справедливость покойному генераль-губернатору—его взглядъ на дѣло преобразованія въ степи былъ единственно правдивымъ, цѣлесобразнымъ и лучше другихъ удобопримѣнимымъ къ жизни кочевниковъ.

Комиссія Гирса, специально посылавшаяся въ степь для изученія киргизскаго быта и для изысканія такой формы управленія ордынцами, которая наиболѣе соответствовала бы образу жизни кайсаковъ, собрала много цѣнныхъ матеріаловъ и съ успѣхомъ провела свои взгляды въ работы по проекту новаго положенія, но и она, придерживаясь, вѣроятно, ученія о канцелярской тайнѣ, не допускала къ участию въ своихъ трудахъ, хотя бы и косвенному, лицъ киргизскаго происхожденія, мнѣнія которыхъ могли быть, во всякомъ случаѣ, не бесполезны для комиссіи. А, между тѣмъ, продолжительные разъѣзды этой комиссіи по степямъ не мало встревожили подозрительныхъ кочевниковъ, нерѣдко намѣренно искажавшихъ истину, когда къ нимъ обращались съ какимъ-либо вопросомъ, касающимся ихъ жизни. Впослѣдствіи степная комиссія д. с. с. Гирса послужила къ разнаго рода толкамъ и предположеніямъ въ средѣ ордынцевъ, и, конечно, всѣ эти толки и предположенія не были въ интересахъ русскаго правительства. Затѣмъ, въ дальнѣйшихъ работахъ по устройству быта киргизъ и ихъ управленія на новыхъ началахъ приняла участіе и оренбургская администрація. Слухи о готовящейся реформѣ сильно занимали оренбургское общество и толки о ней прошли «отъ верхняго края до нижняго» и достигли, наконецъ, и степи; отсюда стали пріѣзжать въ Оренбургъ разныя вліятельныя лица султанскаго происхожденія, муллы и бии, разумѣется, подъ какимъ-либо благовиднымъ предлогомъ, а, въ сущности, съ цѣлью развѣдать что-нибудь о новой реформѣ. Толкаясь въ дни своего пріѣзда, съ разными просьбами, въ присутствіи областного правленія и въ квартирахъ знакомыхъ имъ чиновниковъ, киргизы, разумѣется, вліятельные, увозили нѣкоторыя свѣдѣнія о реформѣ въ степь, но распускали по ордѣ лишь тѣ слухи, которые могли предубѣдить народъ противъ новаго порядка вещей. Такъ, рассказывали они объ увеличеніи податей почты въ два съ половиною раза, о назначеніи къ нимъ русскихъ начальниковъ, о прикрѣпленіи киргизъ къ землѣ, объ обращеніи ихъ въ православіе, о рекрутствѣ и т. д. въ томъ же родѣ; поступая такъ, лица султанскаго происхожденія и духовенство преслѣдовали своекорыстныя цѣли; зная по слухамъ, что ихъ прибыльная роль, со сведеніемъ новаго положенія, должна кончиться, они всѣми правдами и неправдами старались оттянуть на возможно дальнее время введеніе новой реформы, рассчитывая, въ то же время, что, въ случаѣ серьезнаго сопротивленія, оказаннаго ордынцами

введенію положенія, оно будетъ отложено въ долгій ящикъ, а, пожалуй, и навсегда отнѣнено. Вѣрить въ возможность подобныхъ уступокъ прича-чала ордынцевъ прежняя политика полного невмѣшательства въ жизнь кочевниковъ, которой, по совершенно ложному убѣжденію, держались всѣ бывшія администраціи края, старавшіяся ладить съ киргизами посредствомъ уступокъ наиболѣе безпокойнымъ изъ нихъ, каковыми были, напримѣръ, Кенисара и въ недавнее время Исетъ Кутебаровъ *). Правда, киргизы, какъ бы въ благодарность за сдѣланныя имъ уступки, кочевали покойно, но за то и русская власть почти въ полтораста лѣтъ своего владычества не отличалась особенною прочностью: бунты Кенисары и Исета убѣдительно всѣхъ другихъ доказательствъ подтверждаютъ высказанное мнѣніе.

Теперь перейдемъ къ тѣмъ ошибкамъ, которыя сопровождали введеніе новаго положенія и послужили первоначальными причинами къ возбужденію бунта, или создали тѣ вторыя причины, которыя были выставлены администраціею на основаніи заявленій, сдѣланныхъ киргизами въ письмѣ къ ротмистру Сейдалину, командированному для изслѣдованія причинъ сопротивленія, оказаннаго киргизами Гурьевской организаціонной комиссіи.

Первымъ и самымъ крупнымъ промахомъ со стороны администраціи края была та поспѣшность, съ которой приступлено ею къ введенію новаго положенія между киргизами, тотчасъ по полученіи этого положенія въ Оренбургѣ. Какъ замѣчено нами выше, первыя распоряженія главнаго начальства по поводу новой реформы заключались въ предложеніяхъ губернаторамъ вновь утверждаемыхъ областей организовать немедленно уѣзды и волости своихъ губерній; причемъ распоряженіе это послѣдовало столь поспѣшно, что рѣшительно не оставляло никакой возможности военнымъ губернаторамъ не только заготовить достаточное количество экземпляровъ новаго положенія на русскомъ и татарскомъ языкамъ для распространенія ихъ по ордѣ съ цѣлью ознакомленія ордынцевъ съ сутью новаго положенія, о которомъ они имѣли самыя превратныя понятія, но даже и организаціонныя комиссіи не могли получить экземпляровъ вводимаго ими положенія, а должны были довольствоваться краткими выписками чуть ли не изъ единственнаго тогда экземпляра положенія собственно тѣхъ же §§, которые при первоначальной организаціи были нужны для сформированія уѣздовъ и волостей и заключавшіеся въ инструкціяхъ, полученныхъ комиссіями отъ своихъ губернаторовъ.

Такая быстрота распоряженій рѣшительно ничѣмъ не вызывалась и трудно объяснить, почему въ Оренбургѣ такъ спѣшили этимъ дѣломъ, принявъ во вниманіе, что новое положеніе высочайше повелѣно было вводить съ 1 января будущаго 1869 года, что оставляло около полтора мѣсяца на предварительныя къ тому приготовленія. Необходимость послѣднихъ вызывалась тѣми непріязненными новому положенію толками,

*) Даже и новая реформа носила названіе временнаго положенія, вводимаго въ видѣ опыта на два года.

которые ходили между киргизами и о которыхъ знали въ Оренбургѣ, потому что печать, пользуясь дарованнымъ ей правомъ, болѣе чѣмъ за полгода до введенія положенія предупреждала о нихъ администрацію. Такъ, въ № 46 газеты *Голосъ* за 1868 годъ (отъ 28 мая) въ корреспонденціи изъ Оренбурга, послѣ сѣтованій корреспондента на то, что дѣло преобразованія степи держится въ страшномъ секретѣ, мы читаемъ: «Недавно намъ случилось говорить о степи съ здѣшнимъ купцомъ, отправляющимся въ степь съ товарами. Онъ увѣрялъ, что грабежи прошлаго (1867) года около рѣки Эмбы были слѣдствіемъ устройства ярмарки въ степи, на р. Уилѣ,—ярмарки, которую киргизы-адаевцы сочли за начало устройства города; поэтому говорившій съ нами выражалъ опасеніе, чтобы не случилось чего-нибудь хуже прошлогоднихъ грабежей, при объявленіи киргизамъ о переустройствѣ степнаго управленія». Еще ранѣ приведенной нами корреспонденціи *Голоса* появилась статья въ *Биржевыхъ Вѣдомостяхъ*, тоже трактовавшая о степныхъ дѣлахъ и предупреждавшая начальство, что толки о новомъ положеніи въ степи образовали двѣ сильныя партіи, равно не желавшія преобразованій.

Объ приведенныя корреспонденціи обратили на себя вниманіе кого слѣдовало, въ особенности первая изъ нихъ, т.-е. статья, помѣщенная въ *Голосъ*; на голову злополучнаго автора упомянутой статьи посыпались въ изобиліи упреки, опроверженія и укоризны въ намѣренномъ искаженіи истины. Въ той же газетѣ появилась впоследствии статья одного изъ уѣздныхъ начальниковъ Тургайской области, В. Пл—ова, съ цѣлью возстановленія истины, будто бы искаженной корреспондентомъ. Въ статьѣ этой, между прочимъ, говорилось: «Далѣе корреспондентъ *Голоса*, говоря о предстоящихъ преобразованіяхъ въ степи и о томъ, что къ преобразованіямъ этимъ нисколько не подготовлены киргизы, ссылается, между прочимъ, на корреспондента *Биржевыхъ Вѣдомостей*, который говоритъ, что отъ этого степь раздѣлилась на двѣ партіи. Корреспондентъ *Голоса* (продолжаетъ оппонентъ) хотя и прибавляетъ въ своей статьѣ, что такое дѣленіе существуетъ лишь въ воображеніи корреспондента *Биржевыхъ Вѣдомостей*, но, тѣмъ не менѣе, соглашается съ его мнѣніемъ, что предполагаемымъ раздѣленіемъ степи, когда о томъ узнаютъ киргизы, они останутся недовольны. По нашему мнѣнію (гласить оффиціозное опроверженіе), не правы корреспонденты обѣихъ газетъ. По всему видно, что сообщаемыя ими извѣстія основываютъ они на однихъ только слухахъ, не будучи знакомы съ тѣмъ, какъ объ этомъ толкуютъ киргизы на мѣстѣ; мы не отвергаемъ (значить, знали), что въ степи дѣйствительно есть толки объ ожидаемыхъ тамъ преобразованіяхъ, но не особенно ими смущаемся (вотъ это-то и худо было со стороны администраціи) и не придаемъ имъ большаго значенія, зная очень хорошо, что самое обыкновенное нововведеніе въ степи, не говоря уже о такой реформѣ, какъ введеніе тамъ новаго положенія, не можетъ обойтись безъ толковъ, столь ствойственныхъ, чтобы не сказать простительныхъ, киргизамъ (?) по исключительному образу ихъ жизни».

Таково официальное опровержение корреспонденции *Голоса*, вылившееся изъ-под пера чиновника, служащего въ управленіи киргизами,—опровержение, въ которомъ безъ всякой застѣнчивости сознаются, что о толкахъ по поводу новой реформы, ходящихъ между киргизами, знаютъ, но ни-де начальство и мы нимаго не смущаемся и не придаемъ имъ никакого значенія, а, слѣдовательно, прибавимъ мы отъ себя (какъ бы продолжая мысль автора), и мѣрь никакихъ противъ этихъ толковъ принимать не слѣдуетъ.

За такое поистинѣ легкомысленное, чтобы не сказать болѣе, отношеніе автора опроверженія къ своимъ обязанностямъ и къ тому народу, съ которымъ онъ имѣлъ служебныя отношенія, судьба жестоко подшутила надъ нимъ. Вводя положеніе у илецкихъ киргизъ, г. В. Пл — въ встрѣтилъ активное сопротивленіе введенію новаго положенія въ одной изъ дистанцій своего уѣзда, вызванное именно тѣми толками, о которыхъ сообщалъ корреспондентъ названной газеты. На этотъ разъ начальникъ уѣзда не только позабылъ свое олимпійское спокойствіе и смутился, признавъ за толками нѣкоторое значеніе, но, въ видахъ личной безопасности, далъ подписку, по требованію волновавшихся киргизъ, не вводить у нихъ до времени положенія и вообще организаціонную дѣятельность свою приостановить, направившись въ Оренбургъ, ради личной безопасности, по совершенно иному пути, чтобы избѣжать встрѣчи съ киргизами.

Говоря о статьѣ г. В. Пл—ва, мы должны сказать, что она отличается всѣми правилами литературной вѣжливости, за то произведенія другихъ авторовъ, писавшихъ въ защиту мѣстной администраціи, которая въ этомъ, повидимому, совершенно не нуждалась, преисполнены были самыхъ нелѣпныхъ, самыхъ невыносимыхъ инсинуацій и брани частнымъ корреспондентамъ газетъ за то, что они, исполняя долгъ гражданина, сообщаемыми свѣдѣніями хотѣли указать на зарождающееся зло и на мѣры къ его преѣщенію,—другими словами, желали своими свѣдѣніями служить незримыми помощниками для мѣстныхъ властей. Но не такъ посмотрѣли на это честное дѣло тѣ, которые, вмѣсто услуги, видѣли въ этомъ какое-то зоиство, исходящее, будто бы, изъ темныхъ уголковъ форштадта *). Послѣдствіемъ такого игнорированія свѣдѣній, сообщаемыхъ печатью объ истинномъ положеніи, въ которое легко можетъ встать степь при введеніи новой реформы, были тѣ затрудненія, на которыя мы указывали и которыя встрѣтили организаціонныя комиссіи. Такъ, приступая къ организаціи уѣздовъ и волостей, комиссіи, прежде всего, натыкались на слухи о рекутствѣ, православіи и громадныхъ сборахъ и не имѣли ничего, чѣмъ бы опровергнуть всѣ эти вредные вымыслы лицъ султанскаго происхожденія, потому что не имѣли полныхъ экземпляровъ новаго положенія, а имѣвшіяся у вводившихъ положеніе организаторовъ выписки различныхъ §§ положенія безъ строго логической связи только убѣждали киргизъ въ томъ, что въ тѣхъ §§, которые не вошли въ выписки организаціонныхъ комиссій, и

*) Форштадтъ—козачье предмѣстье г. Оренбурга.

должно именно заключаться распоряженіе о рекрутствѣ, православіи и т. п. свѣдѣнія, о которыхъ они знали частно и которыя, по ихъ убѣжденію, тщательно старалось скрывать отъ нихъ новое начальство...

Отъ другихъ комиссій киргизы требовали печатную бумагу о томъ нововведеніи, къ которому тѣ приступали, говоря, что такое важное дѣло, какъ перемена управленія, безъ царской бумаги (которая, по ихъ понятіямъ, должна быть непременно печатною) совершиться не можетъ. Въ доказательство же правоты своихъ убѣжденій киргизы указывали на тотъ фактъ, что даже и о поимкѣ бѣглыхъ, укрывающихся въ степи, разсылаются по ордѣ печатныя объявленія.

Публичное объявленіе объ изыятіи киргизскаго духовенства и народа, по дѣламъ духовнымъ, изъ вѣдѣнія муфтія также было величайшею ошибкой администраціи, — ошибкой, возбудившей фанатизмъ до крайняго раздраженія и породившей толки духовенства о томъ, что если киргизы спокойно подчинятся этому новому закону въ теченіе двухлѣтняго опыта, то ихъ обратятъ въ православіе. Здѣсь кстати будетъ замѣтить, что власть и вліяніе муфтія и до реформы были лишь фиктивными, на дѣлѣ же почти всѣ болѣе или менѣе важныя дѣла разрѣшались въ областномъ правленіи номинально съ согласія муфтія и фактически безъ всякаго его участія.

Такой порядокъ, какъ намъ кажется, будучи сохраненъ и въ новомъ положеніи, не принесъ бы значительнаго ущерба дѣлу преобразованія степи на новыхъ началахъ.

Къ причинамъ неудовольствія киргизъ на новые порядки также слѣдуетъ отнести и назначеніе къ нимъ русскихъ начальниковъ, какъ выразились ордынцы при заявленіи своихъ доводовъ противъ принятія ими реформы. Но подъ понятіемъ русскихъ начальниковъ не слѣдуетъ разумѣть вообще русскихъ чиновниковъ, такъ какъ съ русскими попечителями они давно были знакомы, — подъ понятіемъ русскаго начальника киргизы разумѣли уральцевъ, съ которыми они въ вѣковой враждѣ изъ-за поземельныхъ отношеній. Это предположеніе тѣмъ вѣроятнѣе, что ордынцы высказались не въ пользу русскихъ начальниковъ въ предѣлахъ Уральской области.

Г. Юр—ко (брошюрой котораго мы пользуемся для описанія волненій въ Уральской области) въ своей статьѣ старается опровергнуть существованіе въ дѣйствительности вражды между Уральскимъ войскомъ и киргизами. Вотъ что говоритъ онъ по этому поводу:

«Въ нашей прессѣ указывалось не разъ, что киргизы и уральцы, какъ исконные враги, никогда не могутъ жить дружно между собою и что по одному этому, если бы не существовало никакихъ другихъ причинъ, киргизы непременно должны были бы возстать при сліяній съ уральцами въ одну область». Съ этимъ мнѣніемъ прессы г. Юр—ко отчасти соглашается, говоря, впрочемъ, «что въ немъ есть доля правды, а и того болѣе неправды», — и указываетъ слѣдующіе резоны:

«Уральскіе козаки, — повѣствуетъ г. Юр—ко, — положительно не могутъ

обходиться безъ киргизъ. Торговля козаговъ направлена, по преимуществу, въ степь; всё домашнія работы, пастьба скота, рыболовство и сѣнокошеніе совершаются черезъ наемныхъ киргизъ. Такая взаимная необходимость народовъ другъ въ другъ,—по мнѣнію г. Юр—ко,— основанная на взаимности экономическихъ выгодъ и интересовъ, должна привести ихъ къ полному замиренію *)). Какъ на доказательство справедливости этой мысли, г. Юр—ко ссылается на фактъ принятія положенія прилинейными киргизами, что, по его убѣжденію, при взаимной враждебности двухъ названныхъ народностей было бы немислимо.

Мы не станемъ входить въ пространныя препирательства съ г. Юр—ко по этому поводу и не будемъ вдаваться въ разрѣшеніе вопроса: какая доля правды заключается въ его предположеніяхъ о замиреніи киргизъ съ уральцами взаимностью экономическихъ выгодъ обоихъ народовъ. Замѣтимъ только, что экономическія отношенія «байгуша» (батрака) къ козаку-хозяину не могутъ быть признаны нормальными и, притомъ, одинаково прибільными какъ для труда, такъ и для капитала.

Не признавая, такимъ образомъ, за экономическими отношеніями, какія существуютъ теперь между уральцами и киргизами, значенія примиряющаго начала, мы не можемъ согласиться и съ другимъ положеніемъ г. Юр—ко, въ которомъ онъ старается объяснить эту враждебность киргизъ другими причинами. Такъ, онъ указываетъ, какъ на причину нѣкоторой враждебности киргизъ къ уральцамъ, на усмиреніе послѣдними киргизскихъ мятежей, вспыхивавшихъ въ степи въ прежнее время. «По понятіямъ киргизъ,—говоритъ г. Юр—ко,—поддерживаемымъ Кораномъ, они имѣютъ право на кровомщеніе».

Если бы это въ дѣйствительности было такъ, и на пути къ сближенію киргизъ съ уральцами не лежало другихъ историческихъ причинъ враждебности ихъ отношеній, то подобныя же чувства кровомщенія ордынцы питали бы и къ Оренбургскому войску, которое не менѣе уральцевъ принимало участіе въ подавленіи киргизскихъ смуть. Очевидно, что причинъ этихъ слѣдуетъ искать не въ кровомщеніи, а въ чемъ-либо другомъ...

По нашему мнѣнію, корень этого вѣковаго раздора двухъ названныхъ народностей слѣдуетъ искать въ вѣковомъ спорѣ уральцевъ и киргизъ изъ-за обладанія лѣвымъ берегомъ Урала и Между-Узенскимъ участкомъ. Правда, споръ этотъ въ настоящее время рѣшенъ въ пользу уральскихъ козаковъ, но, тѣмъ не менѣе, вражда изъ-за этихъ земельныхъ участковъ еще долго будетъ служить яблокомъ раздора между кайсаками Уральской области и козаками. Дѣло въ томъ, что киргизы издавна привыкли считать эти земли своими, и немудрено, что вѣковое заблужденіе,—если только это было заблужденіе, такъ какъ уральцы основывали свои права на самыхъ шаткихъ доказательствахъ,—не можетъ, въ глазахъ ордынцевъ, быть раз-

*) Событія въ степи Уральск. обл. въ 1869 г., брош. Юр—ко, изд. Уральскихъ Вѣдомостей.

сѣяно сразу. И потому-то они не скоро помирятся съ совершившимся фактомъ. Да и въ самомъ дѣлѣ, легко ли, напримѣръ, для Внутренней или Букеевской орды привыкать къ мысли объ утратѣ Между-Узенскаго участка, на которомъ кочевало до 20,000 душъ, теперь не знающихъ, куда приклонить голову?

Поэтому-то мы тоже почитаемъ ошибкой со стороны мѣстныхъ властей стараніе увѣрить киргизъ, что замѣна султановъ-взяточниковъ и грабителей честными русскими начальниками поведетъ къ вяшему преуспѣянію ихъ матеріальнаго быта. Нѣтъ спора, что указанія на притязательность и лиходѣйствіе султановъ совершенно справедливы, но не слѣдуетъ забывать, что въ султанахъ киргизы видѣли своихъ законныхъ властителей и на ихъ взяточничество, съ русской точки зрѣнія, смотрѣли какъ на тяжелую, но вполнѣ законную подать своему владѣльцу. Тогда какъ въ притязаніяхъ (даже и совершенно справедливыхъ), заявляемыхъ уральцами на тѣ земли, что нынѣ отошли къ названному войску, киргизы видѣли насилие и захватъ, вполнѣ незаконные, за которыми они вправѣ были прозрѣвать новыя притязанія и захваты, и потому-то ордынцы не особенно радовались замѣнѣ султанскаго управленія уральскимъ.

Ко всему сказанному нами слѣдуетъ прибавить, что киргизы не могутъ простить уральцамъ и того высокомерія, съ какимъ послѣдніе относятся къ киргизу, который, по ихъ понятію, не человѣкъ, а «собака». Все это, взятое вмѣстѣ, не можетъ не породить сомнѣній въ близкомъ и въ окончательномъ замиреніи обѣихъ народностей. Правда и то, что вражда киргизъ не простирается на все Уральское войско, но, главнымъ образомъ, направлена противъ чиновныхъ представителей этого войска, начинающая съ урядниковъ, въ которыхъ собственно, а не въ простыхъ козакахъ, киргизы и видятъ виновниковъ ихъ послѣднихъ матеріальныхъ утратъ. Справедливость заставляетъ насъ сказать, что вражда эта не простиралась и на молодое поколѣніе уральскихъ офицеровъ, на долю которыхъ выпалъ завидный жребій своимъ челоуѣколюбіемъ и гуманнымъ обращеніемъ содѣйствовать не только примиренію киргизъ съ уральскимъ начальствомъ, но и заставить первыхъ не жалѣть о временахъ султанскаго управленія.

Переходя затѣмъ къ изложенію самыхъ безпорядковъ въ Киргизской степи, мы считаемъ нужнымъ обратить вниманіе читателей еще на фактъ тождественности упомянутыхъ нами ошибокъ съ промахами администраціи дней давно минувшихъ, какъ на явленіе весьма знаменательное.

Вопросъ разъясняется очень легко, стоитъ только припомнить, какъ отнеслись мѣстныя власти къ печати и къ голосу общественнаго мнѣнія. Какъ высокомерно отнеслись власти къ общественному мнѣнію и совѣтамъ печати, читателю извѣстно изъ настоящаго изслѣдованія; намъ остается лишь прибавить, что такое высокое мнѣніе о своемъ всевѣдѣніи и умѣлости не позволили официальному самолюбію спуститься до совѣтовъ людей, хотя и знающихъ край, но не почтенныхъ довѣріемъ начальства въ

то время, когда пришлось уже действовать и когда жестокая действительность без сожаления показала администрации всю ее неопытность в делах такого рода, как введение нового строя жизни у полудикаго народа.

Поставивъ себя въ такое изолированное положеніе, администрація края поневолѣ должна была обратиться за примѣрами для своихъ дѣйствій къ практикѣ дней минувшихъ; по всей вѣроятности, изъ примѣровъ «добраго стараго времени» власти почерпнули мысль, что стѣдуетъ только имъ приказать ввести положеніе и все дѣло будетъ сдѣлано въ мгновеніе ока. Такое предположеніе только одно въ состояніи объяснить намъ ту тождественность ошибокъ новаго и стараго времени, какая замѣчена нами выше. Изъ практики же прежнихъ дней, вѣроятно, обрѣтено и указаніе на «нелѣпные толки злонамѣренныхъ людей» (съ прибавкою къ послѣднему понятію султанскаго происхожденія) и на невѣжество народа, неспособнаго понять своихъ выгодъ, какъ на причины послѣдняго киргизскаго движенія.

Мы не станемъ, конечно, оспаривать, что киргизы—народъ невѣжественный, но не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи заявить въ печати, что здравый смыслъ этого народа далъ ему возможность отлично понять и уразумѣть тѣ стороны новаго положенія, которыя казались ему выгодными. Такъ, киргизы отлично воспользовались выборнымъ началомъ тамъ, гдѣ введено было положеніе, не избравъ ни одного султана въ аульные старшины или волостные управители.

Въ виду этого краснорѣчиваго факта, невольно задаешься вопросомъ: одно ли народное невѣжество виновато въ послѣдней смутѣ, или виновность въ этомъ несчастномъ событіи должны раздѣлять съ темнымъ народомъ и тѣ, чьи ошибки дали возможность ненавистникамъ новой реформы употребить народное невѣжество какъ пригодное орудіе для оказанія посильной оппозиціи новому порядку вещей и для достиженія своекорыстныхъ цѣлей?...

III.

Положеніе дѣлъ въ степи въ мартѣ 1869 г.—Паника линейцевъ и жителей г. Илецка.—Мятежъ принимаетъ широкіе размѣры.—Разногласіе администраціи; невозможность действовать оружіемъ и ее причины. — Киргизы Кекинъ, Айчуваковъ и стерлибашевскій мулла, дѣйствующіе въ пользу умиротворенія степи *).

Дѣла въ Оренбургской степи принимали съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе серьезный оборотъ. Съ марта мѣсяца волненіе киргизъ получаетъ опредѣленную форму и характеръ. Броженіе умовъ и толки о непринятіи киргизами новой реформы переходятъ къ дѣлу: сначала формируются партіи барантовщиковъ, которые вскорѣ затѣмъ сплочиваются въ значитель-

*) Дѣла канцеляріи генераль-губернатора. Неизданная записка о безпорядкахъ въ степи въ 1869 и 1870 гг. Брошюра Юр—ко *О событіяхъ въ степи Уральской области*. Корреспонденціи *Современныхъ Извѣстій*.

ныя по числительности шайки хорошо вооруженныхъ людей, имѣющія каждая своего начальника или руководителя. Такъ организовались въ Тургайской области отдѣльныя группы вооруженнаго возстанія по рѣкамъ Илеку и Хобдѣ, а въ Уральской почти повсемѣстно. Шайки эти имѣютъ не только непрестанное сообщеніе между собою въ обѣихъ областяхъ, но постоянно сносятся чрезъ нарочно посылаемыхъ почтарей и съ киргизами, кочующими на Усть-Уртѣ, какъ бы желая согласиться на счетъ одинаковаго образа дѣйствій повсюду, гдѣ обнаружилось движеніе. Словомъ, съ марта мѣсяца 1869 г. въ степи замѣчается лихорадочная дѣятельность, принимающая рѣшительныя мѣры къ воспрепятствованію введенія у ордынцевъ новаго положенія и угрожающая спокойствію края.

Такой оборотъ дѣлъ въ степи, прежде всего, отразился паникой на прилинейныхъ жителяхъ. Паника эта обнаруживалась говоромъ линейныхъ козаковъ о томъ, что съ наступленіемъ весны у нихъ угонять весь скотъ и сожгутъ дома. По разсказамъ линейцевъ, слухъ этотъ былъ основанъ на угрозахъ самихъ киргизъ, которые, будто бы, не стѣснялись заявлять объ этомъ линейнымъ жителямъ. Подобнымъ угрозамъ со стороны ордынцевъ козаки тѣмъ болѣе расположены были вѣрить, что слышали такіа грозныя извѣстія въ видѣ предостереженій изъ устъ своихъ хорошихъ степныхъ пріятелей, совѣтовавшихъ козакамъ, во избѣжаніе ограбленія, продать или угнать подальше свой скотъ и припрятать имущество. Такое общее тревожное состояніе отразилось и на жителяхъ Илецкой Защиты, извѣстной своими соляными копами *). Здѣсь страхъ за свое имущество и жизнь проявился нѣсколько комически. Въ 12 часовъ ночи, съ 9 на 10 число марта, распространился по городу слухъ, что къ нему подступаютъ киргизы. Городскаго надзирателя не было въ городѣ и его помощникъ поднялъ тревогу; забили въ набать. Мужчины, женщины и дѣти, кто съ вилами, кто съ дубиной, съ кочергой, кто съ чѣмъ попало, бѣгутъ къ церкви, забираются въ самую церковь и посылаютъ просить священника служить молебенъ; разсказываютъ, что съ просьбою о молебнѣ приступали такъ усердно, что выдавали въ домъ священника огно, и хозяинъ, раздосадованный, вѣроятно, причиненнымъ ему убыткомъ, на-отрѣзъ отказалъ просителямъ въ ихъ просьбѣ.

Въ минуту этого переполоха всѣ потерялись и всѣ бессознательно въ страхѣ повторяли одну только фразу: «подступаютъ!... подступаютъ!...» Даже мѣстное чиновничество переполошилось, а нѣкоторыя дамы перепугались до обморока. Въ эту болѣе тягостную и грустную, чѣмъ смѣшную, для илецкихъ жителей минуту, когда уже была отправлена въ Оренбургъ летучка съ извѣстіемъ о нападеніи киргизъ и съ просьбою о помощи, въ городъ вернулись изъ станицы Буранной чиновникъ и лекаръ, успокоившіе жителей г. Илецка, что никакой опасности городу со стороны киргизъ

*) Мы приводимъ разсказъ о переполохѣ жителей г. Илецка, какъ фактъ, какому страху поддавались даже мѣстности, близкія къ Оренбургу, въ виду развивающагося возстанія, что же испытывали жители тѣхъ мѣстностей, которыя соприкасались со степью?

не грозить и что, поэтому, слѣдуетъ вернуть эстафету и спокойно разойтись по домамъ.

Поводомъ къ такому страху илецкихъ жителей, какъ рассказываетъ преданіе, послужилъ слѣдующій фактъ. Верстахъ въ 3 отъ города расположенъ какой-то заводъ, все населеніе котораго состояло, будто бы, изъ старика и старухи; ночью, какъ полагаютъ, кошка выбила стекло въ томъ помѣщеніи, гдѣ жили старики, потому что стекло выпало наружу, а не внутрь избы; старуха, испугавшись съ просонокъ, бросилась къ окну, приняла столбы навѣса за киргизъ, а порѣзъ о стекло—за рану отъ нападающихъ, сейчасъ заставила старика запретъ лошадь и гнать въ городъ, гдѣ извѣстіе о нападеніи и подняло описанную нами тревогу *).

Между тѣмъ, дѣла въ степи вообще и въ Уральской области въ частности день ото дня становились все хуже и хуже. Уральскій военный губернаторъ, убѣдившись, что дѣло введенія новаго положенія между киргизами Уральской области не можетъ окончиться мирно въ виду формирующихся шаекъ, готовыхъ съ оружіемъ въ рукахъ отстаивать старый у киргизъ порядокъ вещей, настаивалъ у главнаго начальника края о принятіи мѣръ сильныхъ и скорыхъ для разсѣянія бунтовщиковъ, пока мятежъ не охватилъ еще всей степи и пока волчующіеся бредятъ отдѣльными шайками, прочіе же ордынцы находятся въ выжидательномъ положеніи, не рѣшаясь примкнуть къ возставшимъ.

Появленіе въ степи русскихъ отрядовъ и разгромленіе бунтовавшихъ киргизъ могло, несомнѣнно, произвести въ степи впечатлѣніе паническаго страха, а наказаніе виновныхъ въ вооруженномъ возстаніи легко могло привести прочіихъ ордынцевъ къ безусловной покорности русской власти и принятію положенія. Однакожь, эти предположенія генерала Веревкина не были встрѣчены сочувственно въ Оренбургѣ, во-первыхъ, потому, что главный начальникъ края, по чувству гуманности, не хотѣлъ до времени употреблять противъ киргизъ военную силу, не теряя надежды ввести положеніе у нихъ мирнымъ путемъ, и, во-вторыхъ, потому еще, что Оренбургскій округъ въ данный моментъ не располагалъ такими военными средствами, которыя могли быть съ успѣхомъ употреблены для усмиренія мятежа, къ чему и самое время весенней распутицы было мало благопріятнымъ.

Такое критическое положеніе края въ военномъ отношеніи произошло оттого, что всѣ подвижныя войска, которыми онъ располагалъ прежде, были передвинуты въ Туркестанскій округъ и для дѣйствія надо было формировать отряды преимущественно изъ козаковъ Уральского и Оренбургскаго войскъ, что не могло сдѣлаться тотчасъ же и на что потребовалось бы довольно много времени.

Еще въ бдльшей степени затруднялъ быстрое движеніе отрядовъ въ степь недостатокъ въ перевозочныхъ средствахъ, которыхъ лишился край

*) Корреспонденція *Соврем. Извѣстій* 1869 г., № 87.

со времени возмущенія киргизъ. А, между тѣмъ, отряды, дѣйствующіе въ степи, должны имѣть съ собою продовольствіе на все время похода, что требовало громаднхъ перевозочныхъ средствъ, которыя совершенно неизвѣстны войскамъ, дѣйствующимъ на нашихъ западныхъ границахъ.

Оренбургскій край всегда считался богатымъ перевозочными средствами, и такое понятіе совершенно справедливо, если имѣть въ виду и степь, которая дѣйствительно обладаетъ большимъ числомъ лошадей и верблюдовъ, но бунтующаяся теперь степь, конечно, не могла уже служить источникомъ для приобрѣтенія средствъ къ перевозкѣ. Устранивъ же перевозочныя средства степи, останется край едва ли не бѣднѣе перевозочными средствами другихъ губерній Россіи, въ особенности если принять во вниманіе его малонаселенность. Если, наконецъ, та часть края, о которой мы сейчасъ говорили, хотя и не легко, но, все-таки, могла выставить требуемое количество лошадей, воловъ, телѣгъ и т. п., то являлось новое, не меньшее затрудненіе: откуда получить достаточное число подводчиковъ и убѣдить послѣднихъ не только слѣдовать всюду за отрядами, подчиняясь въ походахъ всѣмъ требованіямъ военныхъ порядковъ, но и быть готовыми всякую минуту подвергать жизнь свою опасностямъ наравнѣ съ людьми тѣхъ отрядовъ, при которыхъ они находились? Впослѣдствіи, при стычкахъ съ киргизами, бывали случаи не только легкаго увѣчья подводчиковъ, но и самой смерти ихъ отъ руки нападавшихъ на отряды киргизъ.

При подобныхъ обстоятельствахъ неудивительно, что цѣна на подводу сдѣлалась очень высока: за телѣгу одноконную или пароволовую брали въ мѣсяць отъ 40 до 50 и болѣе рублей *).

Во Внутреннюю орду нарочно посылались чиновникъ интендантства, чтобы нанять верблюдовъ и жогаковъ, но киргизы этой орды, *опасаясь за свою жизнь* (и, конечно, тайно сочувствуя мятежникамъ), не соглашались быть жогаками ни за какія деньги и отдѣлались пожертвованіемъ 400 верблюдовъ въ распоряженіе начальства. Впослѣдствіи главный начальникъ края отдалъ этихъ верблюдовъ въ распоряженіе уральскаго военнаго губернатора, такъ какъ область эта, по словамъ г. Юрко, испытывала наибольшія затрудненія въ отысканіи перевозочныхъ средствъ. Кромѣ киргизъ Внутренней орды, нѣкоторые изъ зажиточныхъ уральскихъ козаковъ также пожертвовали до 70 верблюдовъ и нѣсколько юламеекъ (войлочныхъ палатокъ).

Всѣ эти пожертвованія въ значительной степени облегчили устройство перевозочныхъ средствъ при отрядахъ, впослѣдствіи имѣвшихъ выступить въ степь съ Уральской линіи.

Такія обстоятельства, естественно, ставили генераль - губернатора въ необходимость отвѣчать отказомъ генералу Веревкину на его представленія дѣйствовать на мятежниковъ силою оружія.

*) Юрко: „Событія въ степи Уральской области въ 1869 году“, изд. *Уральскихъ Войск. Вѣдомостей*.

Въ теченіе марта, пока велись переговоры съ уральскимъ губернаторомъ, дѣла въ степи замѣтно ухудшились: одинъ за другимъ стали появляться самозванные ханы — Беркинъ, Сеиль, султанъ Араслановъ, мулла Рискуль, Айбасовъ и Мамбетъ-Али, окруженные своими приверженцами, которые грабили и своихъ, и чужихъ. Возстаніе развивалось безостановочно; дерзость бунтующихся дошла до того, что они не только стали угонять козачій скотъ съ линіи, но, переходя за Уралъ, дѣлали нападенія на форпосты.

Видя возстаніе развивающимся, главный начальникъ края признавалъ необходимымъ создать, по возможности скорѣе, вооруженную силу къ его укрощенію. По представленію генераль-адъютанта Н. А. Крыжановскаго, части войскъ, которыя имѣли съ наступленіемъ весны выступить въ Туркестанъ или на смѣну, или на усиленіе войскъ того округа, распоряженіемъ военнаго министерства были оставлены въ вѣдѣніи оренбургскаго генераль-губернатора; но все же войска эти тотчасъ не могли быть употреблены въ дѣло, съ одной стороны, потому, что начиналась весенняя бездорожица, а съ другой — потому, что отряды эти нужно было снабдить продовольствіемъ, по крайней мѣрѣ, на все предстоящее лѣто. Последнее обстоятельство рождало новыя затрудненія: въ самое короткое время предстояло заготовить такую массу продуктовъ, чтобы, съ наступленіемъ весны, отряды могли двинуться въ степь совершенно обезпеченные въ продовольственномъ отношеніи. Отряды эти не могли выступить въ походъ, имѣя съ собой муку, — имъ нужны были сухари, а интендантство отказывалось выдать провіантъ въ сухаряхъ въ виду краткаго срока на ихъ заготовленіе. Пришлось обратиться къ услугамъ жителей края, которые и взяли на себя трудъ печенія сухарей для войскъ, имѣвшихъ выступить въ степь. По словамъ г. Юрко, жители г. Уральска, Илецкаго городка, Калмыковской крѣпости, Гурьева и нѣкоторыхъ форпостовъ дѣятельно принялись за печеніе сухарей, чѣмъ оказали большую услугу правительству.

Вмѣстѣ съ отрядами предположено было командировать въ степь двѣ областныя организаціонныя комиссіи въ Уральскую и Тургайскую области, на обязанности которыхъ лежало введеніе положенія мирнымъ путемъ.

Обстоятельства сложились, такимъ образомъ, крайне неблагопріятно для администраціи края, лишая ее возможности, ранѣе мая мѣсяца, выдвинуть войска въ степь, въ которой мятежъ быстро разгорался, въ то время; какъ власти, самымъ порядкомъ вещей, осуждены были на полное бездѣйствіе.

Понятное дѣло, администрація не могла оставаться равнодушною зрительницей всего происходившаго на ея глазахъ; она употребляла всевозможныя усилія, чтобы найти такія средства, которыя, по крайней мѣрѣ, могли бы удержать отъ бунта тѣхъ киргизъ, что находились еще въ выжидательномъ положеніи и не рисковали примкнуть къ явнымъ мятежникамъ.

Отыскивая такія средства, главное начальство края сдѣлало еще важный промахъ: оно рѣшилось уклониться отъ основной мысли новаго положенія о киргизахъ, т. е. рѣшило воспользоваться услугами духовенства и вліятельныхъ ордынцевъ, вліяніе которыхъ на народъ признавалось вреднымъ и которое поэтому такъ тщательно старались устранить въ новой реформѣ.

Къ участію въ подавленіи мятежа мирнымъ путемъ приглашены были: киргизъ Баядиль Кекинъ, султанъ Баймухамедъ Айчуваговъ и пресловутый шарлатанъ, мулла селенія Стерлибашъ (Стерлитамакского уѣзда, Уфимской губерніи), извѣстный подъ именемъ «Ишана» (то-есть святаго при жизни).

Первый изъ названныхъ лицъ, Баядиль Кекинъ, польщенный вниманіемъ къ нему главнаго начальника края, вопреки увѣреніямъ плечаго уѣзднаго начальника, давалъ обѣщаніе привести къ генералъ-губернатору двухъ главныхъ руководителей возстанія, дѣйствовавшихъ въ предѣлахъ Тургайской области, — Саттыка Таева и султана Арасланова. Конечно, эти обѣщанія не были имъ выполнены и Кекинъ, находясь вмѣстѣ съ уѣзнымъ начальникомъ, спасся отъ смерти лишь поспѣшнымъ бѣгствомъ. Баймухамедъ Айчуваговъ былъ посылаемъ, но также безуспѣшно, къ киргизамъ Уральской области, причемъ командированіе сего послѣдняго вызвало новое разногласіе въ дѣйствіяхъ администраціи. Въ то время, какъ генералъ-адъютантъ Крыжановскій возлагалъ большія надежды на Айчувакова, уральскій военный губернаторъ арестовалъ его семейство по подозрѣнію въ измѣнничествѣ *).

Стерлибашевскій ишанъ (мулла) также оказалъ услугу администраціи, написавши, по просьбѣ генералъ-губернатора, родъ окружнаго посланія къ киргизамъ, въ которомъ увѣщевалъ ордынцевъ принять новое положеніе. Но это посланіе не имѣло ровно никакого успѣха, какъ и изданное, далеко ранѣе послѣднихъ мѣръ, объявленіе отъ главнаго начальника края, въ которомъ Н. А. Крыжановскій старался познакомить ордынцевъ съ тою пользой, которая вытекаетъ для нихъ изъ новаго порядка вещей, убѣждая киргизъ, въ знакъ признательности за милости, оказанныя имъ императоромъ, принять съ благодарностью новое положеніе.

Какъ много было во всѣхъ этихъ распоряженіяхъ административнаго такта, предоставляемъ сдѣлать выводъ самимъ читателямъ, отъ себя же замѣтимъ лишь то, что подобныя отступленія, сдѣланныя администраціей, отъ основныхъ мыслей новаго положенія свидѣтельствуютъ о полной растерянности ея, въ виду того оборота, какой приняли степныя дѣла въ теченіе марта мѣсяца, доведя администрацію края до горькаго сознанія своей безпомощности и безсилія.

По нашему мнѣнію, такое критическое положеніе генералъ-губернатора произошло оттого, что ему въ-время не кому было подать разумнаго совѣта, основаннаго на твердомъ, *практическомъ знаніи* края и его особенностей. Послѣднее обстоятельство явилось вовсе не случайно и не потому, чтобы въ числѣ лицъ, окружающихъ главнаго начальника края, не было людей способныхъ и обладающихъ административными познаніями, утверждать что было бы не только несправедливо, но даже нелѣпо; затрудненія же эти возникли просто потому, что лица, стоявшія на верхнихъ

*) Сообщение уральскаго военнаго губернатора (дѣла канцеляріи оренбургскаго генералъ-губернатора).

ступеняхъ служебной іерархіи, не успѣли еще достаточно ознакомиться съ бытовыми особенностями Оренбургскаго края.

А это обстоятельство произошло въ свою очередь отъ установившагося издавна ложнаго взгляда на легкость управленія такимъ краемъ, какъ Оренбургскій.

Край этотъ отличается существенно отъ внутреннихъ губерній многими совершенно своеобразными особенностями, неизвѣстными въ Россіи и зависящими отъ разноплеменности и разновѣрія его населенія; здѣсь каждое племя имѣетъ свою религію, культуру, преданіе, пожалуй, исторію и бездну чисто-бытовыхъ обособленностей. Поэтому такой край въ отношеніи управленія имъ можетъ и для опытнаго администратора внутреннихъ губерній представить бездну затрудненій, если онъ, не изучивши хорошенько края и всѣхъ его особенностей, вздумаетъ дѣйствовать въ немъ вполнѣ самостоятельно, полагаясь лишь на свою опытность, честность и благонамѣренность. Кто-то остроумно сравнилъ Оренбургъ съ почтовскою станціей, и это совершенная истина: какъ тамъ съ переменною почто-содержателя являются новые работники и лошади, такъ и здѣсь къ новому начальнику являются новые сотрудники; какъ тамъ новые работники, отлично управляя лошадьми, завозятъ проѣзжающихъ, по *невѣдѣннѣю дорогѣ*, вмѣсто станціи, въ другое какое-нибудь селеніе, такъ и здѣсь отличные дѣльцы, по невѣдѣннѣю края, могутъ, при всей своей благонамѣренности и энергіи, стремясь къ извѣстной цѣли, достигнуть результатовъ, діаметрально противоположныхъ тѣмъ, которыхъ ожидала новая администрація отъ дѣятельности своихъ сподвижниковъ.

Поэтому-то всѣ администраторы, получающіе назначеніе на такой постъ, какъ оренбургскій, дѣлаютъ величайшую ошибку, набирая съ собою лицъ на высшія должности въ край, предварительно не убѣдившись въ бесполезности и неблагонадежности лицъ, занимавшихъ эти мѣста при прежнихъ начальникахъ. Правда, на второстепенныхъ и третьестепенныхъ мѣстахъ остаются лица, успѣвшія пріобрѣсти достаточное знакомство съ краемъ, но, спрашивается, кто изъ этихъ чиновниковъ осмѣлится явиться въ кабинетъ главнаго начальника и отважится учить его, какъ слѣдуетъ ему поступать въ томъ или другомъ случаѣ?

Для такихъ лицъ остается одно средство: прибѣгнуть къ печати; но это средство сопряжено съ рискомъ потерять мѣсто, ибо изъ практики извѣстно, какъ начальство неодобрительно смотритъ на такихъ мѣстныхъ «зоиловъ», которые, за неумѣстную смѣлость, часто лишаются своихъ должностей, хотя здравый смыслъ и подсказываетъ, что дѣятельность администраціи есть дѣятельность публичная, вполнѣ подлежащая общественной критикѣ, иначе зачѣмъ бы, напримѣръ, было допущено печатаніе въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* извѣщеній изъ ревизіи, произведенной въ Пермской губерніи сенаторомъ Влущинымъ?

Н. Середа.

(Продолженіе слѣдуетъ).